

Florio Balance // Ohio State Law Journal, 2006, No. 67.—
P. 849—910.

18. Larson, Alan P., Marchick, David M. Foreign
Investment and National Security: Getting the Balance

Right // Council on Foreign Relations, Council Special
Report No. 18, July 2006.— 47 p.

Представлена в редакцию 07.09.2007 г.

УДК 347.22:346

И.И. Веленто,

канд. юрид. наук,

доцент Гродненского государственного
университета им. Я. Купалы,

Республика Беларусь

КОЛЛЕКТИВНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН

В литературе обоснована позиция, согласно которой для формирования полноценных отношений частной собственности необходимо наличие пяти экономических условий: во-первых, наличие «чувства собственности» — основного признака, предполагающего отношения к вещи как к своей; во-вторых, прибыльности имущества, в противном случае оно теряет для предпринимателя экономический интерес; в-третьих, наличие альтернативы между стоимостью имущества и его прибыльностью; в-четвертых, наличие необходимого уровня имущества (в противном случае оно приобретает социальную направленность) и, наконец, в-пятых, наличие экономической культуры предпринимателя [1, с. 240—242]. Соответственно, если взять частную собственность в ее цивилистическом понимании (как негосударственную собственность), то по признаку «чувства собственности» в ней усматриваются совершенно различные варианты экономического поведения участников отношений: от присутствия указанного «чувства» (например, для частного унитарного предприятия), до полного его отсутствия (например, в случае участия в хозяйственном обществе государства). Это позволяет выделить в ней (частной собственности) различные подвиды: обычную частную собственность, коллективную (некоммерческие организации, а также неделимые фонды кооперативов) и огосударственную частную собственность — для двух последних отсутствует отношение к имуществу как к своему, а следовательно, отсутствуют те признаки поведения, которые свойственны для обычного собственника.

Для коллективного подвида частной собственности нарушены все пять указанных экономических

условий: во-первых, практически отсутствует «чувство собственности»; во-вторых, имеет место недостаток прибыльности; в-третьих, отсутствует альтернатива; в-четвертых, недостает (прежде всего, у значительной части крестьян-кооператоров) необходимого уровня имущества и, наконец, в-пятых, экономическая культура сформирована на уровне социальной модели экономического поведения. По-видимому, в этом и кроется причина тяготения крестьянина к коллективному подвиду частной формы собственности или к коллективному хозяйствованию (указанные категории имеют много общего с позиции психолого-экономических поведенческих мотивов). Нарушение указанных условий не создает предпосылок для массового развития кооперативов (в Беларуси они функционируют фактически только на базе бывших колхозов и потребительских кооперативов) [2, с. 101].

В отличие от Беларуси и России в Украине коллективная собственность получила законодательное закрепление в качестве самостоятельной формы собственности, что нашло отражение в гл. 10 ХК Украины [3] «Предприятия коллективной собственности». Соответственно, следовало бы определиться в сущности коллективной собственности (в соответствии с украинским хозяйственным подходом) и предлагаемом коллективным подвигом частной собственности.

Согласно позиции ХК Украины коллективным является предприятие, основанное на «собственности трудового коллектива», которое может «создаваться только физическими лицами в результате добровольного объединения их имущества и трудового участия в хозяйственной деятельности предприятия на началах членства или выкупа государ-

© И.И. Веленто, 2007

ственного или коммунального имущества в результате приватизаций» [4, с. 294; 5, с. 227]. В данном случае за основу взят юридический признак, где в качестве субъекта коллективных правоотношений в соответствии с п. 1 ст. 93 ХК Украины признается трудовой коллектив (иной коллектив учредителей). П. 2 указанной нормы определяет перечень организаций, подпадающий под коллективную собственность: производственные и потребительские кооперативы, общественные и религиозные организации, другие предприятия, предусмотренные законом (поскольку перечень организационно-правовых форм организаций, в т. ч. коммерческих, а также перечень форм собственности, установленных украинским законодательством, не имеют исчерпывающей информации [6, с. 675; 5, с. 227]).

По иному выпадит ситуация с позиций психолого-экономической мотивации макроправовой теории проблем форм собственности — это проблема отдаленности лица, формирующего имущество (точнее, участника), от последующего прямого или косвенного владения, пользования и распоряжения им.

Признаком коллективного подвида частной собственности является полный отрыв участника от собственности, т. е. потеря чувства собственности (экономический признак), которое зависит от содержания квадриады правомочий по управлению, по получению дивидендов, ликвидационной квоты, а также по выделению своей доли при выходе участника. По этому поводу Б. И. Путинский заметил, что «спецификой общинной собственности следует признать... отсутствие у участников права... на долю в имуществе, а потому невозможность выделения или компенсации соответствующей доли отдельным лицам при выходе из общности» [7, с. 29]. Признак отсутствия права на выход из состава юридического лица вместе со своей долей для коллективной частной собственности следует считать обязательным признаком, а отсутствие права на управление, права на дивиденды и права на ликвидационную квоту — дополнительными признаками.

Наличие обязательного и в той или иной степени дополнительных признаков позволяет выделить различные проявления коллективной частной собственности. Так, для религиозных организаций, в соответствии с Законом Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и о религиозных объединениях» (Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях»; Законом Украины «О свободе совести и о религиозных организациях»), в наличии все основные и дополнительные признаки коллективной собственности, для профсоюзов, согласно Закону Республики Беларусь «О профессиональных союзах» (Федеральному закону «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятель-

ности»; Закону Украины «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»), партий, в соответствии с Законом Республики Беларусь «О политических партиях» (Федеральным законом «О политических партиях»; Законом Украины «О политических партиях в Украине»), иных общественных организаций, в соответствии с Законом Республики Беларусь «Об общественных объединениях» (Федеральным законом «Об общественных организациях»; Законом Украины «Об объединениях граждан») — в наличии основной признак и два дополнительных признака (отсутствуют право на дивиденды и право на ликвидационную квоту).

Разнообразие организаций подвида коллективной частной собственности достаточно обширное, но поскольку в статье исследуются в первую очередь отношения, связанные с экономической (предпринимательской) деятельностью, остановимся на кооперативах, которые в соответствии п. 2 ст. 93 ХК Украины относятся к коллективной форме собственности.

С позиций белорусского и российского законодательства, которым установлены две формы собственности, в том виде, в котором производственный кооператив представлен § 3 гл. 4 ГК Республики Беларусь [8] и § 3 гл. 4 ГК Российской Федерации [9] (аналогичное усматривается из ст. 95–110 ХК Украины, § 2 гл. 8 ГК Украины [10]), он относится как к обычной частной собственности, так и к ее коллективному подвиду. Соответственно, необходимо определить, какие отношения в кооперативах относятся к коллективной частной собственности, а какие — к предпринимательской частной собственности.

Изучая производственные кооперативы, И. П. Кузьмич отмечает, что «в литературе можно встретить утверждение о том, что кооперативная собственность является коллективной, чем отличается от частной и государственной собственности. Такой подход, по меньшей мере, спорен. Имущество кооператива действительно находится во владении, пользовании и распоряжении членов кооператива, т. е. участников высшего органа управления кооперативом — его общего собрания, на котором каждый член кооператива имеет один голос при принятии решения, т. е. равное право управлять этой собственностью». Соответственно автор приходит к выводу, что «собственность кооператива, оставаясь по форме частной, находится в коллективном управлении, а не в собственности его членов» [11, с. 72–73]. Здесь И. П. Кузьмич, как видно, не выделяет основного признака коллективной частной собственности, а следовательно, приходит к выводу о том, что это обычный правовой режим частной собственности. Но далее все-таки отмечает, что «особенностью правового режима имущества производственных кооперативов является возмож-

ность создания неделимых фондов... Создавая неделимые фонды, члены кооператива добровольно отказываются от претензий на часть имущества, в частности, в случае выхода» [11, с. 75].

Особенностью неделимых фондов является то обстоятельство, что они «не делятся на пай участников и выплаты из них не производятся при выходе из кооператива. При наличии таких фондов выходящий член кооператива вправе претендовать лишь на выдачу (выплату) соответствующей части делимых фондов. Раздел неделимых фондов между членами кооператива возможен лишь по российскому законодательству, только при ликвидации юридического лица после удовлетворения претензий кредиторов. В период существования кооператива эти фонды неделимы, а члены кооператива не обладают никакими, в том числе и обязательственными правами на данное имущество. Поэтому кредиторы членов кооператива не вправе обращать взыскание по их личным долгам на неделимые фонды» [12, коммент. к гл. 4], что отражено в п. 5 ст. 111 ГК Российской Федерации, а равно в аналогичной норме ГК Республики Беларусь. По указанным признакам А. И. Лученок считает, что «кооперативная (или коллективная) собственность, по сути дела, является разновидностью государственной формы контроля и присвоения результатов труда» [13, с. 110].

Но если расширить режим неделимого имущества на все имущество кооператива, то получается колхоз социалистического типа, т. е. особая организационно-правовая форма, в которой участники также теряют и право на ликвидационную квоту, соответственно они, по сути, приобретают статус, не отличающийся от статуса наемного рабочего.

Необходимо отметить, что в определенной степени за сохранение такой организационно-правовой формы коммерческих организаций, как колхозы, выступают В. В. Лаптев [14, с. 55], Н. В. Сторожев [15], А. Е. Черноморец [16, с. 117–120], И. П. Кузьмич [11, с. 35–36] и др.

В Республике Беларусь, по существу, «колхоз социалистического типа» (именуемый «сельскохозяйственным производственным кооперативом» или «СПК» [17]) получил свое юридическое закрепление, так как в соответствии с п. 25 Примерного устава колхоза (сельскохозяйственного кооператива), утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 2 февраля 2001 г. № 49 [18], практически большинство фондов данной коммерческой организации являются неделимыми, а именно этот момент является определяющим.

Как видно, в производственных кооперативах (СПК, колхозах) имущество неделимых фондов и образует коллективный подвид частной собственности. Причем такой дополнительный признак, как отсут-

ствие права на ликвидационную квоту, для СПК трактуется неоднозначно, тем более, что ст. 112 ГК Республики Беларусь (ст. 112 ГК Российской Федерации) вопросы ликвидации производственных кооперативов оставляют на рассмотрение специального законодательства (в отличие от них п. 2 ст. 109 ХК Украины предусматривает общий порядок ликвидации производственного кооператива, а ч. 2 п. 1 ст. 166 ГК Украины к специальному законодательству относит только вопросы расчета с членами кооператива при ликвидации). Так, в России, согласно п. 5 ст. 27 Федерального закона «О производственных кооперативах» [18], оставшееся после удовлетворения требований кредиторов имущество кооператива подлежит распределению между его членами (аналогичным образом решен вопрос в соответствии с ч. 3 ст. 21 Закона Украины «О кооперации» [19] и п. 4 ст. 38 Закона Украины «О сельскохозяйственной кооперации» [20]), а в соответствии с п. 3 ст. 44 Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации» [21] (подобно ч. 7 ст. 29 Закона Украины «О кооперации»), при ликвидации кооператива имеющиеся у него объекты социальной инфраструктуры, входящие в неделимый фонд кооператива, разделу не подлежат и передаются на основании решения общего собрания членов кооператива иным сельскохозяйственным организациям». В Беларуси же, согласно п. 136 Примерного устава колхоза (сельскохозяйственного кооператива), «имущество ликвидируемого колхоза... (полностью. — И. В.) передается другим юридическим лицам для ведения сельскохозяйственного производства (кроме имущества долевого фонда (вкладов). — И. В.)».

Подход к неделимому фонду в научной литературе неоднозначен. Например, Н. В. Козлова считает, что «важное преимущество кооператива по сравнению с товариществами и обществами с ограниченной ответственностью состоит в том, что в нем по решению общего собрания и в соответствии с уставом создается неделимый фонд, который не включается в пай членов кооператива. Этот фонд не подлежит разделу или выделу в случае выхода члена из состава кооператива, на него не может быть обращено взыскание по долгам члена кооператива» [22]. Другие авторы полагают, что «это крайне невыгодно каждому, отдельно взятому члену кооператива: он теряет право на получение совершенно определенной, может быть, для него очень значительной, суммы денег как в период его членства в кооперативе, так и при выходе из него» [23, с. 269].

Определенные признаки предпринимательской деятельности относятся и к *потребительским кооперативам*, которые согласно п. 1 ст. 116 ГК Республики Беларусь (п. 1 ст. 116 ГК Российской Федерации; п. 2 ст. 111 ХК Украины) служат для удовлет-

ворения материальных и иных потребностей членов кооперативов. В этом смысле Т. Е. Абова, критикуя положения российского ГК, справедливо заметила, что «нельзя было проводить резкую границу между производственными и потребительскими кооперативами» [24, с. 65]. Данный вопрос уточняется, в частности, в Законе Республики Беларусь «О потребительской кооперации (потребительских обществах и союзах) в Республике Беларусь» [25], в ст. 3 которого потребительские кооперативы выполняют такие задачи, как «организация оптовой и розничной торговли, общественного питания; закупка у граждан и юридических лиц сельскохозяйственных продукции и сырья, изделий и продукции личных подсобных хозяйств и промыслов, дикорастущих плодов, ягод и грибов, лекарственно-технического сырья, вторичных материальных ресурсов, других видов продукции и сырья; производство сельскохозяйственной продукции, пищевых продуктов, непродовольственных товаров, продукции производственно-технического назначения; оказание платных услуг населению; организация рынков для торговли товарами» и др. Коммерческая составляющая явно просматривается в ст. 1 Федерального закона Российской Федерации «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» [26] и в ст. 1 Закона Украины «О потребительской кооперации» [27].

Более того, согласно п. 2 ст. 34 Указанного Федерального закона, доходы, полученные потребительским кооперативом от предпринимательской деятельности, после внесения обязательных платежей — в соответствии с законодательством Российской Федерации — могут распределяться между членами кооператива в размерах, которые не должны превышать в сумме 20 % от доходов общества, а п. 5 ст. 116 ГК Российской Федерации прямо указывает, что «доходы и прибыль, полученные потребительским кооперативом, ... распределяются между его членами», что, по сути, означает право на дивиденды (в этом смысле п. 1 ст. 9 Закона Украины «О потребительской кооперации» прямо говорит о наличии дивидендов). С этих позиций противоположным образом решен вопрос п. 5 ст. 116 ГК Республики Беларусь, который не допускает распределение доходов и прибыли между его членами.

Все же *главным признаком именно подвида коллективной частной собственности* остается наличие неделимого фонда, который для белорусского потребительского кооператива фактически распространяется на все имущество организаций. Согласно ст. 41 приведенного белорусского закона, «при ликвидации потребительского общества, союза потребительских обществ имущество, оставшееся после удовлетворения требований кредиторов, переда-

ется другим потребительским обществам, членам союза потребительских обществ или союзу потребительских обществ в порядке, определяемом высшими органами управления потребительского общества, союза потребительских обществ».

Неделимый фонд, по общему правилу, влечет утрату «чувства собственности», соответственно у таких участников формируется несколько иное поведение, которое имеет свои психолого-экономические мотивы, требующие особого правового воздействия. Соответственно, отсутствие неделимого фонда означает утрату коллективного подвида частной собственности и приближает отношения к обычным, свойственным для частной собственности.

Указанные выше признаки приближают коллективную частную собственность к государственной форме собственности, но с одной существенной особенностью — здесь государство не выступает прямым или опосредованным собственником, а следовательно, не имеет права на меры огосударствления управленческого плана. С другой стороны, участники коллективной частной собственности приближаются по своему правовому положению к наемным рабочим, что особенно сильно заметно для белорусских СПК и потребительских кооперативов, так как согласно п. 14, п. 16 и п. 17 Примерного устава колхоза (сельскохозяйственного кооператива) членство в колхозе прекращается в случае исключения из членов колхоза, при этом не предусматривается выделение какой-либо доли бывшему колхознику.

Нетрудно заметить, что *несмотря на различные исходные подходы к коллективным отношениям — к коллективной собственности в Украине, выделенной на основе юридического признака, и к коллективному подвиду частной собственности, предлагаемому в настоящей работе, выделенному на основе психолого-экономического признака, — они совпадают* в том, что участники общественных и религиозных организаций имеют иную мотивацию, чем мотивация участников отношений обычной частной собственности. Следовательно, эти субъекты нуждаются в обособленном правовом регулировании. Что же касается кооперативов, то указанные подходы *пересекаются в части неделимых фондов кооперативов, но расходятся* в остальной части имущества, которая к неделимым фондам не относится.

С целью устранения недостатков правового регулирования коллективного подвида частной собственности белорусско-российский подход к формам собственности (отвергающего коллективную собственность) может быть изменен тремя возможными путями:

1. Необходимо *приравнять* *исключаемого участника кооператива* (в части неделимого фонда) *к ассоциированному члену*, т. е. выделить его долю в не-

долимом имуществе, перенеся ее на обычное паевое имущество, сохранив тем самым право на дивиденды, поскольку, в частности, российское законодательство допускает до 50 % прибыли распределять по обычному (нетрудовому) признаку, как, например, это имеет место в ст. 12 Федерального закона «О производственных кооперативах» (в соответствии с ч. 3 ст. 26 Закона Украины «О кооперации» — до 20 %). Возможно возвращение бывшему участнику, по усмотрению общего собрания, либо компенсации, либо имущества, внесенного трудовым вкладом бывшего участника в неделимый фонд, но со сроком более длительным, чем в обычном порядке (например, в течение 3-х лет).

В данном случае имущество коллективного подвида частной собственности, по сути, предлагается приравнивать к обычной частной собственности (предпринимательского подвида) с указанной особенностью.

2. Возможен и другой путь, не исключаяющий первый, — *сохранение за бывшим членом кооператива, участвовавшим в создании неделимого фонда, права на управление*. Второй путь больше стыкуется с позицией гражданского законодательства, но менее привлекателен для бывшего кооператора, так что следует также *сохранить и право на дивиденды* с учетом особенности распределения прибыли в кооперативе.

Указанное выше касается только неделимого фонда, поскольку на остальное имущество распространяется режим обычной (предпринимательской) частной собственности.

Особенностью СПК, модель которого установлена в белорусском Примерном уставе колхоза (сельскохозяйственного кооператива), является, как уже указывалось, перевод практически всего имущества организации в разряд неделимого фонда.

На наш взгляд, *имеет значение факт участия члена колхоза в формировании неделимого фонда*. В этом случае к нему может быть применено одно из правил, которые предлагаются выше.

Несколько по-иному дело обстоит, когда речь идет о потребительской кооперации: здесь попытка решить проблему способом, предполагающим сближение с предпринимательской частной собственностью (1), означает придание некоммерческой организации признаков коммерческой. Поэтому второй путь, т. е. сохранение права на управление, является более приемлемым.

3. Наконец, *путь представителей украинского хозяйственного права связан с признанием самостоятельной коллективной формы собственности*, основанной «на собственности трудовых коллективов» [5, с. 227].

Вместе с тем указанный путь имеет некоторые проблемы, непосредственно влияющие на отношения собственности:

Первый проблема имеет экономико-психологический (мотивационный) характер: *с одной стороны*, участник кооператива, равно как и представитель трудового коллектива, фактически имеет мотивацию работника, на что, в частности, обращают внимание ученые-экономисты, т. е. «заинтересованы не в долгосрочном производственном развитии фирмы, а в сиюминутных дивидендах» [13, с. 21], но, *с другой стороны*, мотивация работника имеет ряд положительных моментов, поскольку такое лицо продолжает трудиться даже при отсутствии прибыльности производства [28].

Второй момент: в украинском законодательстве *не выделена имущественная правосубъектность трудового коллектива*, и здесь трудно не согласиться с мнением Е. А. Суханова в том, что субъектом экономических отношений не могут быть трудовые коллективы и различные общины по причине того, что они не имеют обособленного имущества [29, с. 480—481].

По нашему мнению, наличие собственности (имущественных прав) трудового коллектива и должно являться тем признаком, который выделяет коллективную собственность в самостоятельную форму. Так, например, согласно п. 1 и п. 2 ст. 165 ГК Украины (п. 1 и п. 2 ст. 100 ХК Украины) производственный кооператив является собственником переданного ему имущества, а члены кооператива имеют в нем имущественные права (паи). Здесь «собственности трудового коллектива» не усматривается, равно как не усматривается отличия от организаций частной формы собственности, поскольку за кооператорами сохраняются все основные признаки участника частной собственности (право на управление, дивиденды, ликвидационную квоту и право на выход из состава кооператива вместе со своей долей, что указывает на сохранение «чувства собственности»). Что же касается личного трудового участия, то, во-первых, в хозяйственных обществах и товариществах у участников нет для этого препятствий, во-вторых, кооператор может уволиться, заболеть, и, наконец, выйти на пенсию. Соответственно, личное трудовое участие для кооператора исчезает, и он фактически становится «ассоциированным членом», а со временем — все участники кооператива, имеющие пай, станут «неработающими» кооператорами. Что же тогда останется от коллективной собственности? На этот вопрос указанное выше украинское законодательство о кооперации ответа не дает.

В России, где коллективная собственность доктринально отвергнута, найден своеобразный механизм замены коллективной собственности через частную собственность в Федеральном законе «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)» [30], который обязал предприятие выкупить акции у уво-

ливішогося работника-акционера, а уволившегося работника-акционера обязал продать народному предприятию принадлежащие ему акции народного предприятия по их выкупной стоимости в течение трех месяцев с даты увольнения (п. 4. ст. 6). Но данный подход порождает вопросы на предмет соответствия указанного механизма принципу неприкосновенности частной собственности, закрепленному в ст. 35 Конституции Российской Федерации [31]. Причина такого подхода в отсутствии имущественной правосубъектности трудового коллектива.

Что касается предложений заменить собственность коллектива собственностью юридического лица [29, с. 173–174], то они также не приемлемы, поскольку при таком подходе коллектив не является участником организации (первичным звеном права собственности), имеющим в ней имущественные права.

Именно поэтому украинский подход нуждается в логическом последовательном признании имущественной правосубъектности трудового коллектива (различных общин), поскольку в этом случае исключается правосубъектность других участников (физических лиц, входящих в коллектив) – в этом смысле правосубъектность коллектива аналогична правосубъектности государства. При указанном подходе психолого-экономическая мотивация членов трудового коллектива (общины) целиком совпадет с психолого-экономической мотивацией участников рассматриваемого в работе коллективного подвида частной собственности.

В остальном правовое регулирование отношений коллективной частной собственности аналогично правовому регулированию предпринимательской частной собственности.

Литература

1. Веленто И. И., Елисеев В. С. Теория экономического права: Курс лекций. – Гродно: ГрГУ, 2004.
2. Петриков А. В. Специфика сельского хозяйства и современная аграрная реформа в России. – М.: Энцикл. рос. деревень, 1995.
3. Господарський кодекс України від 16 січня 2003 р. // Відомості Верховної Ради України. – 2003. – № 18. – Ст. 144.
4. Хозяйственное право: Учебник / В. К. Мамутов, Г. Л. Знаменский, В. В. Хахулин и др.; Под ред. Мамутова В. К. – Киев: Юринком Интер, 2002. – 912 с.
5. Хозяйственный кодекс Украины: Комментарий / Н. А. Саниахметова, Н. И. Шутов, А. К. Вишняков и др.; Под общ. ред. Н. А. Саниахметовой. – Харьков: ООО «Одиссей», 2004.
6. Великий енциклопедичний словник / За ред. акад. НАН України Ю. С. Шемшученко. – К.: Юридична думка, 2007.
7. Путинский Б. И. Общее понятие собственности и права собственности на современном этапе: Тез. выступления // Право собственности в СССР (Проблемы, дискуссии, предложения) / Под ред. Ю. К. Толстого, В. Ф. Яковлева. – М.: Юрид. лит., 1989. – С. 26–29.
8. Ведомости Нац. Собр. Респ. Беларусь. – 1999. – № 7–9. – Ст. 101.
9. Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
10. Цивільний кодекс України від 16 січня 2003 р. // Відомості Верховної Ради України. – 2003. – № 40–44. – Ст. 356.
11. Кузьмич И. П. Сельскохозяйственный производственный кооператив как организационно-правовая форма ведения сельскохозяйственного производства: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06 / ИГП НАН Беларуси. – Минск, 2002.
12. Комментарий к части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский, В. П. Звезков и др.; Под рук. М. И. Брагинского. – М.: Фонд «Правовая культура», 1995.
13. Лученок А. И. Предпринимательство в системе отношений собственности // Белорусский экономический журнал. – 1998. – № 3. – С. 15–24.
14. Лаптев В. В. О предпринимательском законодательстве // Государство и право. – 1995. – № 5. – С. 48–56.
15. Сторожев Н. В. О правовых гарантиях защиты кооперативной природы колхозов // Юридическая наука и образование в Республике Беларусь на рубеже 20–21 веков: Материалы междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 22–23 апр. 1998 г. / ГрГУ. – Гродно: ГрГУ, 1998. – С. 406–409.
16. Черноморец А. Е. Аграрная реформа в Российской Федерации: правовые проблемы и решения // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 117–120.
17. О внесении изменений и дополнений в Декрет Президента Республики Беларусь от 16 марта 1999 г. № 11 «О некоторых вопросах государственной регистрации отдельных юридических лиц»: Декрет Президента Республики Беларусь от 16 ноября 2000 г. № 22 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2001. – № 72. – 1/2876.
18. Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 20. – Ст. 2321; 2001. – № 21. – Ст. 2062; 2002. – № 12. – Ст. 1093.
19. Закон Украины о кооперации // Відомості Верховної Ради України. – 2004. – № 5. – Ст. 35.
20. Закон Украины о сельскохозяйственной кооперации // Відомості Верховної Ради України. – 1997. – № 39. – Ст. 261.
21. Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 50. – Ст. 4870.

22. Козлова Н. В. Организационные формы предпринимательства: достоинства и недостатки // Законодательство. — 1997. — № 2. — С. 24—33.

23. Комментарий к Федеральному закону «О сельскохозяйственной кооперации» / Е. А. Галиновская, Е. Л. Минина, И. Ф. Панкратов и др.; Отв. ред. Е. Л. Минина. — М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997.

24. Абова Т. Е. Кооперативы как субъекты гражданского права // Субъекты гражданского права / Отв. ред. Т. Е. Абова. — М.: ИГП РАН, 2000. — С. 63—73.

25. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2002. — № 28. — 2/842; № 129. — 2/899.

26. Ведомости Съезда нар. депутатов Рос. Федерации и Верхов. Совета Рос. Федерации. — 1992. — № 30. — Ст. 1788.

27. Закон Украины о потребительской кооперации // Відомості Верховної Ради України. — 1992. — № 30. — Ст. 414.

28. Чайнов А. В. Крестьянское хозяйство. — М.: Моск. рабочий, 1989.

29. Гражданское право: Учеб.: В 2 т. Т. I. — 2-е изд., перераб. и доп. / В. С. Ем, И. А. Зенин, Н. И. Коваленко и др.; Отв. ред. Е. А. Суханов. — М.: Статут, 2000.

30. Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1998. — № 30. — Ст. 3611.

31. Российская газета. — 1993. — 25 дек. — № 237. — С. 1—6.

Представлена в редакцию 19.09.2007 г.

УДК 347.22:346.9

В.С. Елисеев,

канд. юрид. наук,

доцент Гродненского государственного

университета им. Я. Купалы,

Республика Беларусь

ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ ОТ ПОДМЕН В СЛОЖНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

В гражданском и хозяйственном праве, пожалуй, одним из немногих положений закона, защищающих экономическое содержание обязательства от подмены, является ч. 2 ст. 171 ГК Республики Беларусь [1] (ч. 2 ст. 170 ГК Российской Федерации [2]; ст. 235 ГК Украины [3]) о притворных сделках.

Следует пояснить, что в настоящей статье термин «обязательство» используется в его экономическом содержании, как «совокупность прав и обязанностей, объединенных единым имущественным интересом», образующих сформированный институт (обязательство купли-продажи, обязательство аренды и т. п., в противовес общепринятому обязательству, регламентирующему внутри института отдельное действие через обязанность должника его исполнить и соответствующее право кредитора [4, с. 775]); кроме того, «обязательство» используется как межотраслевая категория, включающая налоговые институты (обязательство налога на прибыль, налога на доход и т. д.), и институты государственной поддержки (институт субсидии, дотации и т. п.).

Действие указанной нормы ГК не распространяется на сложные обязательства, т. е. обязательства, состоящие из двух или более институтов обязательств, объединенных единым имущественным интересом и соответствующих критериям сложного обязательства (критерий единства сторон, критерий замкнутости основных прав и обязанностей, критерий наличия зависимого обязательства и др.)¹. К сожалению, в настоящее время сложные обязательства нашли минимальное обоснование лишь на уровне «смешанных» или «непоименованных» договорных обязательств в гражданском праве, которые касаются не столько сочетания институтов, сколько смешения различных условий договоров в рамках одного института [5, с. 154].

Поскольку сложные обязательства образуют сочетания институтов обязательств различных от-

¹ В данном случае в статье не анализируются общие положения теории сложных обязательств, даны только общие категории, необходимые в рамках проблематики настоящей статьи.

© В.С. Елисеев, 2007